

фигуры [17, с. 50–51, 62; 19, с. 409]. Результаты исследования в д. Вяз Пинского р-на показали четкую временную приуроченность обряда к Троице и отсутствие его связи с засухой и вызыванием дождя [17, с. 49–50, 62]. Фактически представленные в статье Н. Антропова данные о связи обряда «вождения Куста» не соответствуют действительности, что ведет к искаженному представлению об аутентичной традиции.

В рамках проведенных нами полевых исследований информантам в ареале обряда «вождения Куста» в соответствии с программой нашего исследования, задавался вопрос: «Обливали ли женщину (девушку), которая убрана в зелень Куст (Куста), водой?». Все опрошенные информанты дали ответ «Нет», при этом ответы были даны уверенно и однозначно, без трудностей и сомнений. Приведем наиболее характерные ответы: «Такі почот нам був. О, водою? Поняття такого не було. О, коб хто водою облів, то ёму... Тут усі, трэба да і усё ходыты. Куста коб облылы б, то нэхто не пошов бы»; «Почотно, ёто ужэ такэ, у-у-у, вік нэхто не чыпыць...» (Вяз Пинского р-на Брестской обл.); «Такого не было. Это незаконно обливать Куста. Это ж ёго водять сухэнького, убрэнэнькы вун, вун жэ на сэб одэжу чыстэньку, да яёр хорóшы, да клен» (Осовница Ивановского р-на Брестской обл.); «Не. Нэхто нэхто не облываў»; «Нэгдэ у нас такога не було»; «У нас гэтого не було»; «Нэ було нэколы» (Ставок, Посеничи, Новоселье, Ченчицы Пинского р-на; Буса, Застружье Ивановского р-на Брестской обл. и др.). На юге ареала обряда «вождения Куста» (на территории Украины) носители традиции также категорически отрицали возможность обливания Куста водой: «Нэ було такога. Не, нэ було» (Дольск Любешовского р-на Вольнской обл.); «Не, не, нэ облываў. Шчо не, то не. Нэ було такога обычаю»; «Не, нэ було! Нэ облываў Куста водою» (Бродница, Серники, Иванчицы Заречненского р-на Ровенской обл.) и др.

Рассмотренные выше примеры искажения минским лингвистом аутентичной традиции связаны с использованием недостоверных, фиктивных данных [19]. Главную фигуру обряда «вождения Куста» водой не обливали, утверждение о связи данного обряда с магией вызывания дождя ошибочно.

Список литературы:

1. Антропаў, М. Надзённая задача беларускай этналінгвістыкі (аб працы над «Беларускім этналінгвістычным атласам») / М. Антропаў // Праблемы ўсходнеславянскай этналінгвістыкі. Матэрыялы Першай міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 25–26 красавіка 2003 года) / укл. В. Ліцьвінка. – Мінск : Тэхнапрынт, 2003. – С. 46–54.
2. Антропов, Н. «Белорусские этнолингвистические этюды: 2. Вызывание дождя (акциональный код)» / Н. Антропов // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Толстого (1923–1996) / отв. ред. С. Толстая. – М. : Индрик, 2004. – С. 190–216.
3. Антропов, Н. Белорусские этнолингвистические этюды: 3. «Куст» (часть первая) / Н. Антропов // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Толстого. – М. : Индрик, 2013. – С. 162–179.
4. Антропаў, М. «Ваджэне Куста» ў кантэксце праблематыкі беларуска-іншаславянскіх (-неславянскіх) этналінгвістычных адпаведнасцей / М. Антропаў // XV Міжнародны з'езд славістаў = XV Международный съезд славистов = XV International Congress of Slavists (Мінск, Беларусь, 20–27 жніўня 2013 г.): тэзісы дакладаў. У 2 т. Т. 1. Мовазнаўства / рэд.кал. : А. Лукашанец (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – С. 28–29.
5. Беларускі фальклор у сучасных запісах. Брэсцкая вобласць. Традыцыйныя жанры / склад. В. Захарава. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1973. – 304 с.
6. Зеленин, Д. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов / Д. Зеленин. – М. : Л., 1937. – 79 с.
7. Кавалёва, Р. Лакальна-рэгіянальныя парадэгмы беларускага фальклору: вучэб.-метад. дапам. для студэнтаў філал. фак. спец. 1–21 05 01 «Беларуская філалогія». У 3 ч. Ч. 1. Заходнепалескія кушавыя песні / Р. Кавалёва. – Мінск : БДУ, 2008. – 151 с.
8. Кітова, С. «Водіння Куста» на Поліссі / С. Кітова // Народна творчэсть та этнографія. – 1972. – № 3. – С. 67–73.
9. Китова, С. «Вождение Куста» в Вольнском Полесье / С. Китова // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конф. – М. : Наука, 1983. – С. 106–107.
10. Толстая, С. Дождь / С. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 2 : Д–К, под общ. ред. Н. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – С. 106–111.
11. Толстой, Н. К реконструкции древнеславянской духовной культуры (лингво-этнографический аспект) / Н. Толстой, С. Толстая // Славянское языкознание: Докл. сов. делегации / VIII Междунар. съезд славистов, Загреб-Люблина, сент. 1978 г. – М. : Наука, 1978. – С. 364–385.
12. Фрэзер, Дж. Золотая ветвь / Дж. Фрэзер / пер. с англ., послесл. С. Токарева. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1983. – 703 с.
13. Шарая, В. Семантика абраду «ваджэне Куста» / В. М. Шарая // Весці АН Беларусі. – Сер. гуманіт. навук. – 1996. – № 4. – С. 69–76.
14. Шарая, В. Функцыянальная прырода абраду Куст / В. Шарая // Весці НАН Беларусі. – Сер. гуманіт. навук. – 1999. – № 3. – С. 84–88.
15. Шарая, В. Абрад Куст : функцыянальная прырода, трансфармацыя. Мастацкі свет песень / В. Шарая // Каляндарна-абрадавая паэзія / А. Ліс, А. Гурскі, В. Шарая. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – С. 307–332.
16. Шарая, О. Ценностно-нормативная природа почитания предков / О. Шарая. – Минск : Тэхналогія, 2002. – 249 с.
17. Шарая, О. Западнополесский обряд «вождение Куста» как социокультурный феномен и проблемы его изучения / О. Шарая // Беларускі фальклор : Матэрыялы і даследаванні. Зборнік навуковых прац. – Мінск : Беларус. навука, 2015. – Вып. 2. – С. 32–67.
18. Шарая, В. Абрад «ваджэне Куста»: функцыянальная прырода, аксіялогія, трансфармацыя / В. Шарая // Нарысы гісторыі культуры Беларусі : у 4 т. / А. Лакотка [і інш.]; навук. рэд. А. Лакотка. – Мінск, 2016. – Т. 3. Культура сяла XIV–пачатку XX ст. – Кн. 2. Духоўная культура. – С. 196–227.
19. Шарая, О. Проблемы методологии и достоверности данных при картографировании так называемых «кустовых фиксаций» / О. Шарая // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / НАН Беларусі, Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі; навук. рэд. А. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2017. – Вып. 22. – С. 407–413.
20. Шарая, В. Каляндарныя абрады ўшанавання продкаў у традыцыйнай культуры беларусаў: праблемы і перспектывы даследавання / В. Шарая // Acta Albaruthenica. – Том 18. – Warszawa, 2018. – С. 317–332.
21. Wojcicki, K. Kronika literacka / K. Wojcicki / Biblioteka Warszawska. – Warszawa, 1851. – Т. 4. – С. 361–362.

Татьяна Морозова

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН XX ВЕКА

В статье раскрываются сущностные черты календарно-обрядового фольклора как древнейшего явления народной культуры, рассматриваются особенности функционирования и определяются тенденции развития календарно-обрядового фольклора восточных славян XX века.

SOCIOCULTURAL DYNAMICS OF THE CALENDAR AND CEREMONY FOLKLORE OF THE EAST SLAVS OF THE XX CENTURY

В XXI веке все чаще объектом исследования фольклористов становятся не только виды и жанры устно-поэтического творчества, но и вопросы их социальной динамики, включающие в себя процессы трансформации, деградации, диффузии и т. д. Накопленный фольклористикой богатый эмпирический и теоретический материал требует системного изучения с учетом происходящих в фольклоре изменений. Важнейшей задачей научного поиска становится системный анализ всего многообразия социокультурных процессов и явлений, характерных для фольклора восточных славян новейшего времени.

Системное изучение восточнославянского фольклорного фонда является методологической основой любого исследования в этой области. Системный анализ позволяет охватить все богатство содержательных социокультурных характеристик традиционного устно-поэтического творчества восточных славян, и будет способствовать совершенствованию фольклористики в теоретическом и методологическом плане – для оперативной регуляции механизмов ее обогащения.

Объектом нашего рассмотрения в рамках данного сообщения является календарно-обрядовый фольклор восточных славян XX века. Отметим, что методология системного анализа «работает» как на всем фольклорном фонде, так и на его отдельных частях, так как является всеобщей для исследований разного объема.

Календарно-обрядовый фольклор в своей основе – древнейший вид народного творчества. Основным занятием славянских народов издавна было земледелие, и, видимо, поэтому их календарная обрядность имеет ярко выраженный аграрный характер. В ней отразились древние взгляды на природу и попытки воздействовать на нее, забота крестьянина об урожае, от которого зависело благосостояние семьи. «Устойчивые, консервативные по своей природе обряды и обрядовая поэзия долго сохраняли и в некоторых случаях донесли даже до XX в. рудименты далекого прошлого, которые помогают понять и воссоздать особенности социальных институтов и семейных отношений родового и феодального общества» [1, с. 3].

Календарно-обрядовый фольклор восточных славян представляет собой сложную систему из отдельных обрядовых комплексов, в составе которых выделяется набор «своих» структурных элементов – ритуальных действий, песен, танцев, хороводов, игр, гаданий, драматизированных представлений, переодеваний и т. д. Каждый обрядовый комплекс приурочен к определенному календарному празднику и имеет свои, только ему присущие особенности.

Осуществленный авторитетными фольклористами анализ обрядовой основы календарных песен (Д. Зеленин, А. Зернова, Я. Кагаров и др.), их мифологического наполнения (А. Никифоров) позволяет согласиться с тем, что в первобытной культуре данные произведения несли важную функциональную нагрузку: выражали и обобщали верования, поддерживали заданность обрядов и культов, содержали практические правила человеческого поведения. Календарно-обрядовая поэзия отразила закономерную упорядоченность явлений природы, в основе которой – представления о постоянном (циклическом) воспроизведении традиционной формы. Секрет гармонии календарно-обрядовой поэзии заключается в умении создавать разнообразие из небольшого количества элементов, семантически сложных и в силу этого обладающих неограниченными – в пределах традиции – конструктивными и выразительными возможностями. Как отметил в своем исследовании белорусский фольклорист А. Лис, универсальная идея календарно-обрядового фольклора «заключается в стремлении сохранить род, семью, обеспечить продолжение жизни во времени и пространстве. Из этой кардинальной идеологии следуют производные от нее идеи урожайности земли, поклонения предкам, растительности» [2, с. 180].

К концу XIX в. из всех восточнославянских народов календарно-обрядовый фольклор больше всего сохранился у белорусов, которые придавали ему серьезное значение и старались исполнять обряды так, как делали это предки. Однако такие отношения постепенно утрачивались. Так, известный этнограф и фольклорист П. Шейн уже в 1877 г. отметил, что хотя обряды еще и живут в среде белорусского населения, однако «в относительно бледных копиях, ... выполняются еще достаточно серьезно, но не так строго и полно, как лет 20–30 назад» [3, с. 238]. У русских же на это время календарная обрядность была уже сильно разрушена, а в некоторых местностях почти уничтожена. Сохранились большие праздники (святки, Масленица, троица), но сопровождавшим их обрядам и песням не придавали серьезного значения, другие же обряды (пасхальные, поминовение предков) были осмыслены как христианские. Как отмечают исследователи, наиболее архаичный вид календарная обрядность сохранила в южных областях. Здесь были отмечены некоторые магические действия, элементы которых восходят к солярному культу. Древние элементы встречались и в областях отдельных мест Сибири.

У украинцев наиболее специфический характер приобрела масленичная обрядность (колодка) и празднование Ивана Купалы с одетым деревом – Мореной [1, с. 268]. Но эти, как и другие, обрядовые комплексы (например, исполнение веснянок) превращались все больше в игры молодежи и насыщались большим количеством разнообразных песен, не связанных с их древним значением.

Материалы, собранные у русских, белорусов и украинцев в XX в., свидетельствуют о том, что процесс разрушения календарной обрядности продолжался с еще большей интенсивностью. Записи 70–80-х годов показывают почти полное уничтожение магических обрядов или коренное переосмысление некоторых из них. Однако процесс этот не только протекал неравномерно, но и отличался своей спецификой. В первую очередь имеется в виду степень сохранности в среде крестьянского населения и особенно старшего поколения песенного фонда, связанного с календарными обрядами.

Таким образом, среди особенностей функционирования календарно-обрядового фольклора восточных славян можно выделить следующие: 1) потеря собственно обрядовой, ритуальной роли произведений; 2) восприятие календарно-обрядовых праздников и связанных с ними комплексов как эстетических явлений; 3) усиление игрового момента.

В XXI веке уже можно с уверенностью говорить о том, что бытование календарно-обрядового фольклора перешло в иную стадию. Благодаря усилиям многочисленных экспедиций по собиранию фольклорных материалов созданы необходимые условия для сохранения накопленного богатства для будущих поколений на базе архивов фольклорного творчества в учреждениях культуры, образования и науки. Конечно же, это никоим образом не «живое» бытование: зафиксированное произведение – песня, описание обряда, его инсценировка и запись на видео – это способ существования накопленного фольклорного богатства в современном информационном обществе (в данном случае нельзя забывать об устности передачи фольклорного произведения как определяющей черте этого вида творчества).

Тем не менее, особенности функционирования календарно-обрядового фольклора восточных славян в XX в., упомянутые выше, на сегодняшний день обнаружили устойчивую тенденцию его дальнейшего, трансформированного существования в пределах фиксации материалов на различных носителях хранения информации. Это позволяет использовать прошлый календарно-обрядовый фольклорно-художественный опыт с целью ознакомления молодого поколения с истоками мышления наших предков, воспитания у них уважения к земле и любви к матери-природе. Во многом все названное уже реализуется на базе детских кружков по народному творчеству, в организации специальных мероприятий, приуроченных к праздникам годового круга, проводимых в деревнях и особенно в городах, где связь с сельскохозяйственными обрядами была утрачена очень быстро по причине неактуальности еще во второй половине XIX в.

Записи последних 15 лет указывают на прочное переосмысление носителями фольклора былого смысла обрядов и связанных с ними песен, трансформацию целых календарно-обрядовых комплексов, что касается контаминирования сюжетов песен, исчезновения или дополнения отдельных звеньев обрядов, частичная или абсолютная невозможность узнать о значении тех или иных действий (данный вывод сделан на основе изучения материалов Регионального фольклорного архива Белорусского государственного университета, содержащего записи со всех областей Беларуси, а также архивных записей фольклора других народов мира этого же архива, в частности русского и украинского, зафиксированного студентами не только на пограничных с Беларусью территориях, и в российской и украинской «глубинке»).

Понятно, что с исчезновением необходимых для былого функционирования календарно-обрядового фольклора условий его дальнейшее развитие в традиционном понимании невозможно. Единственная возможность не потерять это особое явление культурного наследия восточнославянских народов – сохранить то, что было зафиксировано ранее, чтобы и последующие поколения смогли присоединиться к своим истокам. Соответственно, актуальна задача современных фольклористов – совершить трансфер разнообразных календарно-обрядовых произведений на современные электронные носители информации. Это позволит не только сохранить наше наследие, но и сделать фольклор восточнославянских народов частью современной мировой культуры.

Список литературы:

1. Соколова, В. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов / В. Соколова. – М.: Наука, 1979. – 287 с.
2. Ліс, А. Календарна-абрадавая творчасць беларусаў: Сістэма жанраў. Эстэтычны аспект / А. Ліс. – Мінск: Беларуская навука, 1998. – 188 с.
3. Шейн, П. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / Собран. и привед. в порядок П. Шейном. – СПб.: Тип. Императорской АН, 1887. – Т. 1. – Ч. 1. – Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и в песнях. – 585 с.

Людмила Измаилова

ПОСТИЖЕНИЕ ЦИКЛИЧНОСТИ ВРЕМЕНИ В «КАЛЕНДАРНЫХ СЮЖЕТАХ» ИЗОИСКУССТВА

Lyudmila Izmailova

IMPROVEMENT OF CYCLE OF TIME IN «CALENDAR PLOTS» OF ART

Художественное исследование темы «человек в природном окружении» – неиссякаемый источник образов и сюжетов искусства разных видов и жанров. Для её освоения нами избран ракурс «времени года», структурирующий и разумно ограничивающий этот огромный мир. Круговорот природы – свидетельство изменчивости мира и в то же время его неизменности и стабильности. Цикличность времени как основы миропорядка нашла отражение в памятниках культуры народов всех континентов: в календарных циклах песен и танцев, в изобразительном и прикладном искусстве. Об этом свидетельствуют многочисленные образцы художественной словесности: сказки, мифы, легенды, былины, стихи. Тема бытия природы широко разработана и в профессиональном художественном творчестве.

Постижение цикличности времени начинается с «календарных сюжетов» изобразительного искусства, о чем свидетельствуют сохранившиеся памятники: античные мозаики, фрески и гравюры Средневековья, иллюстрации к Псалтири и календарям, работы выдающихся живописцев Возрождения. Многочисленные образы и темы дают представление о годовом круговороте природы, опосредственной связи человека и окружающего мира, наконец, о расширении сферы выразительности искусства.

Календарные мифы свидетельствуют о формировании важнейших для человеческого сознания процессов структурирования хаоса и построения модели временных циклов. Наиболее ранние из дошедших до нас изображений времен года относятся к эпохе античности: они персонифицированы в виде фигур женщин или крылатых гениев, снабженных соответствующими атрибутами. В позднеантичную эпоху получили распространение также художественные аллегории месяцев. В Государственном Эрмитаже хранится фрагмент одного из самых ранних подобных циклов – римская мозаика «Июнь» (начало III в.), изображающая мальчика, окруженного дарами июня – плодами земли и воды. Аллегории месяцев воплощались и в образах людей, занятых соответствующим каждому сезонотрудом (рельефы римской триумфальной арки в Реймсе, III век н. э.).

Рисунок 1 – Мозаика «Июнь» (III в., фрагмент)

Рисунок 2 – «Заготовка сена» из «Псалтири Латтрелла» (ок. 1330–1340)

Рисунок 3 – Фрески замка Кастелло-дель-Буонконсильо (ок. 1400)

Античная традиция изображения времен года продолжила свою историю. Средневековому человеку были известны две концепции времени, противостоящие друг другу, как два феномена разных социальных систем, – это «время Бога и природы» (храм) и